

УДК 364.6(470+571):316

Д.М. Рогозин ТРУДНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СИТУАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИЯН¹

ТРУДНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СИТУАЦИИ В
ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ
РОССИЯН

РОГОЗИН Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, директор Центра методологии федеративных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. E-mail: nizgor@gmail.com.

Аннотация: В статье представлены результаты общероссийского опроса людей старшего возраста (выборка 1600 респондентов), проведенного весной 2013 г. С либеральных позиций рассматривается термин «трудная жизненная ситуация», широко используемый в государственных социальных программах.

Дается оценка распространенности и видимости различных социальных групп, относимых российским законодательством к трудным жизненным ситуациям: инвалидов, одиноких пожилых людей, малообеспеченных матерей-одиночек, сильно пьющих людей, сидевших в тюрьме, регулярно употребляющих наркотики, живущих в проблемных семьях с детьми. Предлагается интерпретация видимых государством трудных жизненных ситуаций и актуальной потребности в социальной поддержке. Несмотря на масштабные бюджетные ассигнования в социальную сферу, большая часть населения не видит участия государства в трудных жизненных ситуациях их родственников и соседей.

DIFFICULT LIFE SITUATIONS VIEWED BY OLDER
GENERATION OF RUSSIANS

ROGOZIN Dmitrii Mikhailovich – PhD (Sociology), Director of Center for Federative Research Methodology, Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: nizgor@gmail.com.

Abstract. The article presents results of all-Russian opinion survey among older people (sample: 1600) conducted in spring 2013. The term *difficult life situation* that is widely used in the government social programs is considered from liberal position.

The author assesses the prevalence and visibility of different social groups attributed by Russian government as having *difficult life situation*; these groups involve disabled persons, lonely elderly persons, low income single mothers, alcohol addicts, persons released from prisons, regular drug users, and persons living in troubled families. The author proposes a new interpretation of *difficult life situation* and actual need for social assistance. Despite massive budget allocations to social sector most of people do not see any government support for those who are in difficult life situation.

The study reveals that almost two-thirds of respondents tackle difficulties on their own and do not get any assistance from the government because their life situations are not guided by the

¹ Статья написана по результатам общероссийского опроса, проведенного в конце апреля 2013 г. Центром методологии федеративных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, совместно с АНО «Социальная валидация», Институтом общественного мнения «Квалитас» и Маркетинговым центром «Контекст». Автор выражает признательность Л. Г. Рагозиной, оказавшей помощь в формировании опросного инструментария, и Е. В. Вьюговской, отобравшей из архивов аудиозаписей необходимые фрагменты интервью и сделавшей подробные и корректные транскрипты телефонных разговоров. Поправить несуразности и точнее сформулировать основные заключения помогли замечания и комментарии Е. В. Вьюговской и А. А. Ипатовой.

Исследование показало, что почти треть опрошенных справляются с трудностями самостоятельно и не получают от государства помощи, поскольку их ситуации не включены в существующие нормативы. Нечеткая информационная политика и акцент лишь на материальной помощи сформировали и укрепили патерналистские ожидания населения в отношении государственной поддержки, спровоцировали рост недовольства социальной политикой.

Делается вывод о необходимости отказаться от доминанты бюрократической отчетности и учета общественного мнения при разработке и оценке эффективности социальной политики, которая сегодня является источником социального напряжения.

Ключевые слова: инвалиды, либерализм, алкоголизм, наркотическая зависимость, матери-одиночки, пенсионеры, проблемные семьи, социальная политика, социальные услуги, старшее поколение, телефонный опрос, трудная жизненная ситуация.

existing regulations. Unclear information policy and emphasized material help have formed and strengthened the paternalistic expectations of people and provoked growing discontent over social policies.

Prevailing bureaucratic reporting and public opinion which is always taken into account should be abandoned when elaborating and assessing the effectiveness of social policy which is a source of tension today.

Keywords: disabled persons, liberalism, alcoholism, drug addiction, single mothers, retired persons, troubled families, social policy, social services, older generation, telephone survey, difficult life situation.

После распада Советского Союза и десятилетия социального безвременья государство обратило внимание на социальные проблемы² и стало активно применять нормы законов, разработанных в середине и конце 1990-х гг. (ФЗ-195 от 10.12.1995; ФЗ-181 от 24.11.1995; ФЗ-178 от 17.07.1999). Уже более 15 лет развивается новое направление социальной политики, идеологически встроенное в современные общемировые тенденции³. В его основе — отказ от тотальной социальной поддержки малоимущих и переход от концепции государства всеобщего благосостояния к неолиберальным представлениям, опирающимся на парадигму социальных инвестиций. Этот переход ориентирует на культивацию человеческого капитала⁴ и поддержание условий

² Т. М. Малева выделяет два этапа в формировании российской социальной политики. Первый — до середины 1990-х гг. - характеризовался полным игнорированием социальных вопросов. Во втором — начиная с 1996–1997 гг. - власть обратила внимание на социальные вопросы и стала планомерно реформировать социальную систему [4, с. 14–15].

³ И. А. Григорьева отмечает размытость и неоднозначность понимания социальной политики: «В современной литературе представлены разные точки зрения на социальную политику и ее объект, от самых широких, вытекающих из понимания политики как управления общественными делами, до сужающих ее до регулирования только “социальной сферы” или еще уже — до социальной защиты нуждающихся. Предлагается и менее широкое толкование, где в качестве объекта рассматривается система, включающая социальное обеспечение, здравоохранение, образование, науку и культуру, а также инфраструктуру этих отраслей» [2, с. 133]. В настоящей работе рассматривается наиболее узкая трактовка понятия как обеспечение минимальными социальными условиями для достойной жизни наиболее нуждающихся категорий граждан.

⁴ Понятие человеческого капитала в первую очередь связано с образовательными практиками, способностью человека аккумулировать навыки и умения в течение всей жизни. В контексте социальной политики инвестиции в образование напрямую противопоставляются прямым денежным субсидиям на поддержание текущего уровня потребления. В макроэкономических исследованиях Дж.Кломп и Дж. де Хаан предлагают

для социального роста всех без исключения общественных групп (развитие инклюзивных практик):

«Многие специалисты считают, что целью современной социальной политики является не столько рост благосостояния, сколько социальное развитие, рост образования, улучшение здоровья и степени участия людей в решении собственных проблем. Западные социологи не раз подчеркивали, что лишь становясь субъектом (агентом, актором и т.п.) процесса собственного развития, человек может получить от общества такую помощь, которая позволит обеспечить ему реальный социальный рост» [2, с. 136].

Государство должно помогать и поддерживать не на постоянной, безвременной основе, тем самым еще более маргинализируя отдельные группы граждан, а временно, лишь в периоды социальных затруднений и личных катаклизмов, когда сам человек, его семья, не могут справиться с жизненными испытаниями.

Либеральное толкование трудной жизненной ситуации

Для концептуализации потребности во временной внешней поддержке российская государственная бюрократия заимствовала понятийный аппарат у отечественной социальной психологии, педагогики и психологии детства. Центральным конструктом стало понятие трудной жизненной ситуации как временного критического состояния, которое требуется преодолеть⁵:

рассматривать три группы операндов человеческого капитала. Первая отражает уровни начального, среднего и высшего образования в стране. Вторая — базовые навыки и умения: математическая грамотность, понимание современного естествознания, навыки чтения и литературная грамотность. Третья — ситуацию на рынке труда и образования: годы учебы на разных образовательных уровнях, развитость технологий, количество патентов на 1000 населения, публикационную активность в научных журналах, объем исследований и т.д. [19, р. 54]. Микросоциальные исследования человеческого капитала, как правило, опираются на психологические опросники, в которых выделяется мотивация к обучению, удовлетворенность образованием, карьерные притязания, организационный климат и т.д., т. е. субъективные представления респондентов о соответствии их ожиданий с фактически занимаемой социальной позицией. Тем самым концепт человеческого капитала контекстуализируется до определенной позиции в социуме.

⁵ Понятие «трудная жизненная ситуация» можно считать сугубо российской концептуальной новацией, которая объединяет два кластера медико-психологических и социально-психологических исследований англоязычного научного мира. В первом внимание исследователей сосредоточено на критических, трудных или проблемных событиях, с которыми сталкивается человек на протяжении всей жизни. Критичность событий определяется их влиянием на жизненную траекторию и разрушением привычного повседневного уклада: потеря близких, серьезные заболевания, получение инвалидности, разрушение семьи, потеря работы, катастрофическое снижение благосостояния семьи, финансовое или социальное банкротство и т.д. Другими словами, событийный подход в реабилитации максимально локализует причины жизненных трудностей и через это предлагает способы преодоления фрустрации, депрессии и, что более критично, суицидов. Во второй кластер попадают работы, связанные с социальной политикой, направленной на инклюзию проблемных групп, по тем или иным причинам имеющих тенденцию к маргинализации. Дж. Перси-Смит отмечает приоритет французского правительства, которое включило в 1980-х гг. концепт «социальная эксклюзия» в повестку социальной политики и только к 1990-м гг. задачи инклюзивных практик были распространены на все Европейское пространство [20, р. 1–2]. Социальная эксклюзия не связывается с внутренними особенностями граждан, а практически полностью зависит от качества внешней социальной среды, поэтому основными подходами к изучению и исправлению ситуаций эксклюзий занимаются социальные психологи, социальные работники, государственные службы, отвечающие за создание инклюзивного социального пространства.

«Современная психология описывает жизненную ситуацию как совокупность элементов среды, обладающую внутренней целостностью, имеющую временные и информационные границы и смысл в контексте жизнедеятельности. О трудной ситуации можно говорить тогда, когда система отношений личности и ее самоотношение начинают характеризоваться неуравновешенностью, рассогласованием между стремлениями, ценностями, целями и возможностями их реализации. Базовым фактором определения жизненной ситуации как трудной является нарушение адаптации к ней, в результате чего субъект перестает удовлетворять свои основные жизненные потребности посредством внутренних моделей и внешних способов поведения, выработанных в предыдущие периоды жизни [10; цит. по: Мартыанова Г. Ю. Особенности самоотношения субъектов [6, с. 75].

Программы адаптации, интеграции, инклюзивных практик в отношении инвалидов, детей, оставшихся без попечения родителей, матерей-одиночек, семей с осужденными на длительный срок кормильцами и т.д. приобрели новый смысл и заняли центральную позицию в федеральных и региональных инициативах по реализации политических обязательств и решению социальных проблем.

Трудная жизненная ситуация — ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина (инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, сиротство, безнадзорность, малообеспеченность, безработица, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и т.п.), которую он не может преодолеть самостоятельно (ст. 3.4. ФЗ-195 от 10.12.1995).

В последнее время по инициативе федеральных властей региональные администрации и общественные организации пошли дальше в разработке социальных программ, основанных на контрактных отношениях и направленных на заключение адресных договоров социальной адаптации, предписывающих не только социальные обязательства доноров, но и ответственность получателей благ. В большинстве случаев механизмы реализации социального контракта привязаны к потребностям трудоспособного населения и направлены на преодоление проблемы бедности. Однако эффективное использование договорных социальных отношений может быть существенно расширено и включать группы, традиционно относимые к нетрудоспособным.

«Условия социального контракта должны основываться на принципе “прежде всего возможность трудиться”, что будет стимулировать трудоспособных индивидов совершенствовать и использовать свой трудовой потенциал. Данные условия могут включать поиск работы, временное участие в общественных работах, участие в программе реабилитации для индивидов с алкогольной зависимостью, участие в программе переподготовки или выполнение какой-нибудь работы. Контракты социальной адаптации могут сочетать низкооплачиваемую занятость и пособия из системы социальной защиты, в этом случае их называют “зарплата + пособие” [5, с. 26].

В макроэкономической перспективе социальный контракт опирается на теорию человеческого капитала и, соответственно, противостоит распределительной экономике, построенной на предзаданных правилах распределения национального богатства. Другими словами, социальный контракт представляет собой квинтэссенцию либеральной социальной политики, предполагающей систему взаимных договорных обязательств.

«Под социальным контрактом понимается групповое имплицитное соглашение о распределении прав и обязанностей между государством и населением. Государству дается право на использование силы в форме налогообложения, установления законопорядка и поддержание его, а населению дается право на контроль деятельности государства и участие в решении важных экономических и политических вопросов в стране путем создания организаций, отстаивающих их интересы на торгах политического рынка. При этом данное соглашение может закреплять вертикальную или горизонтальную контрактацию в обществе» [14, с. 69].

Согласно контрактным отношениям эффективность государственной социальной политики в первую очередь должна задаваться не охватом или объемом оказываемых социальных услуг, а динамикой смены контингента их получателей. Здесь вполне уместен финансовый термин оборачиваемости, или смены получателей адресной поддержки, постоянного притока новых адресатов социальных услуг, перемещение их от критических групп, находящихся на грани выживания, к адаптированным сообществам, самостоятельно справляющимся с оставшимися рецидивами. Критичным в этом процессе, по мнению О.Ю. Мацукевич, становится преодоление «педагогических подходов к ресоциализации, которые базируются преимущественно на средовом подходе, выделяющем приоритетность внешнего воспитательного воздействия в системах социализации, адаптации и ресоциализации личности» [10, с. 178]. Сделать это чрезвычайно трудно. Во-первых, метафоры воспитания, поддержки и защиты давно вышли за пределы детского возраста и успешно применяются ко всем группам населения, попадающим в трудные жизненные ситуации. В этом случае требующий заботы человек воспринимается в качестве объекта воздействия со стороны внешних сил, за него принимающих решение о правомерности и адекватности предлагаемых мер и средств. Во-вторых, российское законодательство накопило критическую массу нормативных актов, направленных на рост материальных обязательств государства перед отдельными категориями граждан, в декларировании которых не идет даже речи о временном характере предоставляемых услуг (см. ФЗ-178 от 17.07.1999). В-третьих, практически все без исключения инновации в области социальной политики инициируются центральной властью и передаются в качестве готовых решений на места. Какими бы своевременными и адекватными ни были меры, транслируемые по вертикальным каналам, они будут вызывать сопротивление и неприятие у местной власти, что в полной мере подтверждает опыт европейских стран (в отношении Евросоюза) и Канады [21, р. 271]. Обозначенные причины практически лежат вне либерального мировоззрения, однако сопровождают либеральный дискурс в российском контексте, что подрывает основания социальных реформ в базовой, идеологической их компоненте.

Весьма важными и не имеющими простого решения вопросами контрактной социальной политики становятся, во-первых, процедуры идентификации пользователей,

находящихся в трудных жизненных ситуациях, и, во-вторых, дифференциация степени их трудности. Поскольку от ответов на эти вопросы зависит стоимость социального контракта и распределение экономических и социальных благ, весьма высока вероятность отклонения или фальсификации занимаемых позиций с целью извлечения личной выгоды⁶. В свою очередь, государственная машина отчетности не поспевает за сменой мировоззренческой парадигмы и по-прежнему штампует документацию, выполненную в духе общества всеобщего благосостояния. Этому способствуют и ресурсно не подкрепленные обещания политиков в период предвыборной агитации, и межведомственная рассогласованность шагов по исполнению бюджетных обязательств, и отсутствие предприимчивости, нацеленности на решение задач, формальное заполнение отчетности среди чиновников, проходящих службу в органах социальной защиты. С системным подходом, позволяющим объективировать весь комплекс трудных жизненных ситуаций, не спешат расстаться и научные сотрудники, предлагая все более разветвленные системы классификации, построенные специально под нужды тотальной социальной опеки [15]. В результате в публичное пространство вбрасываются масштабные многостраничные документы, многочисленные программы с контрольными цифрами по валовым показателям обслуживания нуждающегося населения. Отсутствует стратификация групп по степени востребованности услуг. Более того, первоначальный временной концепт трудной жизненной ситуации трансформируется в дискурсивный агрегат, объединяющий не текущий ряд индивидуальных событий, а институциональный – социальных диспозиций. Другими словами, к трудным жизненным ситуациям в лексике чиновника или ориентированного на власть научного сотрудника приписываются целые сообщества: инвалидов, детей, оставшихся без попечительства родителей, наркозависимых, страдающих алкоголизмом, одиноких пенсионеров и т.д. За такой, казалось бы, незначительной подменой скрывается институциональная проблема бюрократического сопротивления социальным реформам. Изначальное понимание трудной жизненной ситуации как недостатка человеческого и социального капиталов подменяется перечнем социальных позиций, требующих перманентного вмешательства государства и общества, которое, как правило, редуцируется до материальной помощи. Нет ничего более действенного для сохранения собственной позиции и привычного ведения дел, чем переопределение инновационной для данного времени терминологии под текущие нужды, буквально, расширение словаря реформ, инкорпорирование в него текущих смыслов. Тем самым снимается не только сопротивление переменам, но и осмысленность последних.

Несмотря на ожесточенную критику текущего политического режима интеллектуальным сообществом, по декларируемым мировоззренческим позициям власть и оппозиция совпадают. В основу всех преобразований, происходящих в России за последние 20 лет, положены либеральные представления и ценности с акцентом на свободу реализации личного потенциала, рост индивидуальной ответственности за принятые решения, наличие свободной конкурентной среды, обеспечение равных стартовых возможностей для всех без исключения граждан, защиту частной собственности. Основное

⁶ Вмешательство частных интересов, подкрепленных получаемыми материальными благами, во многих странах мира привело к значительным социальным катаклизмам после последовательного проведения либеральной политики в 1980–1990-х гг. [18]. Политические последствия, не имеющие отношения к либеральной идеологии, тем не менее позволили в политическом и журналистском дискурсе закрепить риторическую фигуру «смерти неоллиберализма» [16, p. 7].

различие между либеральными и неолиберальными концепциям государства Митчел Дин обнаруживает в понимании рынка. Если в первом случае свободные рыночные отношения воспринимаются в качестве естественного состояния, достижение которого становится возможно через отказ от всевозможных институциональных преград, во втором – рыночные отношения нуждаются в культивировании и особых механизмах воспроизводства [16, р. 184]. Свободный конкурентный рынок при отсутствии внешних правил и норм быстро экспроприруется более сильными игроками и приобретает черты монополии или олигополии. Отсюда становится понятна бесперспективность либерального романтизма 1990-х [14, с. 70] и необходимость постоянного конструирования и ремонта текущих правил и процедур, поддерживающих реализацию социальной политики. В качестве таковых, исходя из российского контекста, Т.М. Малева и Л.Н. Овчарова предлагают четыре максимы: 1) от социальной защиты массовых категорий - к адресной поддержке социально уязвимых групп; 2) от социальных пособий - к социальным контрактам; 3) от поддержки отдельных категорий населения - к равномерной поддержке домохозяйства на различных этапах жизненного цикла; 4) от слабых монетарных мер поддержки нетрудоспособного населения - к развитию сектора социальных услуг населению [5, с. 24–27]. Выделяя в качестве базовых отраслей для развития человеческого капитала образование, здравоохранение, социальную поддержку и пенсионирование, В.А. Мау называет пять принципов функционирования этих отраслей для успешной реализации либеральной социальной политики: 1) непрерывный характер услуги или отсутствие привязки к определенному возрасту, социальному статусу; 2) индивидуальная направленность услуги, наличие множественности предложений, позволяющей совершать осмысленный выбор; 3) глобальный характер услуги, или развитие конкуренции независимо от ведомственных, географических или социальных характеристик организаций; 4) повышение роли частных расходов на развитие человеческого капитала; 5) повышение роли новых технологий [8, с. 117–118; 7, с. 10; 9]. Таким образом, социальная поддержка нуждающихся групп должна выходить за рамки текущей ситуации, открывать перед людьми новые перспективы, игнорировать и подрывать сложившуюся привычку к пассивному принятию лишь денежного довольствия.

Переход от системы дотаций и субсидий к социальным контрактам, от распределительной благотворительности к разветвленной системе социальных услуг возможен лишь при социальной ответственности самих получателей, или потребителей предлагаемых услуг. Нарращивание человеческого капитала – процесс, протекающий через определение взаимных обязательств и требующий кардинального изменения мировоззрения с потребительского на деятельностное. Человек прежде всего сам должен справляться с трудными ситуациями. Первыми поддержку оказывают ближайшее окружение, семья. Только в случае невозможности привлечения внутренних ресурсов на помощь должно приходиться государство с программами реабилитации и адаптации, в свою очередь, направленных на создание возможностей внутренней аккумуляции необходимых и достаточных ресурсов для достойной жизни. В либеральном устройстве социального мира речь идет не о безусловной поддержке определенных категорий граждан, а лишь о создании условий для преодоления временных затруднений, в которых сам субъект, испытывающий проблемы, или социальная группа (семья, друзья, коллеги) осознают наличие «некоторого препятствия для адекватного полноценного осуществления жизнедеятельности» [6, с. 77]. Безусловно, в таком подходе заложен утопический принцип потенциальной возможности изменения любой ситуации при грамотном и адекватном подборе средств.

Формальные дескриптивные признаки не могут выступать основным критерием для оказания адресной помощи. Во главу угла поставлена психологическая компонента: отчаяние, осознание невозможности что-либо исправить, апатия и бездеятельность. Первичный адресат социальной помощи — человек, опустивший руки, не способный как-либо изменить ситуацию. В этом контексте помощь по заявительному принципу от заранее определенных маргинализируемых групп выступает прямым нарушением адресности. Заявлять о собственных потребностях, добиваться реализации личных прав и социальных гарантий, скорее, будут люди, имеющие потенциал для изменения ситуации, навык отношений с соответствующими органами, нежели наиболее нуждающиеся во внешней поддержке. Последние, напротив, обладают меньшей уверенностью, самооценкой и активностью и большей внутренней конфликтностью и самообвинением, замкнуты и не контактны [6, с. 78]. Вместе с тем абсолютно одиноких, исключенных из семейных и дружеских отношений лиц не так много. В большинстве случаев основное бремя трудной жизненной ситуации ложится на тех, кто приходит на помощь, поддерживает людей, поэтому оправданно сменить единицу наблюдения с индивидуума на социальную группу, находящуюся в окружении человека, попавшего в трудную жизненную ситуацию: семью или близких друзей. Зачастую именно они обладают потенциалом для заключения социального контракта и принятия на себя обязанностей по опеке и уходу, что и реализуется в многочисленных случаях.

Идентификация трудной жизненной ситуации более эффективна по заявлениям или оценкам близких, с одной стороны, выступающих социальными информантами происходящего, с другой — способных взять на себя ответственность по изменению ситуации, переопределению возникших трудностей во временные и преодолимые. Адресатами социальной политики должны стать не попавшие в трудную ситуацию люди, отчаявшиеся найти из нее выход, а их родственники и друзья, имеющие сильную мотивацию по изменению сложившегося положения дел. Государство должно выступать лишь посредником в перераспределении и координации материальных и социальных ресурсов, делая ставку на сильное и состоявшееся окружение опустивших руки людей. В этом заключается социальная модернизация, или «превращение среднего класса в доминирующий слой российского общества при резком повышении эффективности и справедливости систем здравоохранения и пенсионирования» [7, с. 19]. Для первого приближения к формированию методологии социальных обследований, в которых единицей наблюдения выступают родственники и друзья нуждающихся людей, мы включили в количественное исследование старшего поколения россиян (в наибольшей степени ориентированного на ценности семьи и внимательно относящегося к происходящему в ближайшем окружении) несколько вопросов об их восприятии трудных жизненных ситуаций.

Опросный инструмент

В конце апреля 2013 г. Центром методологии федеративных исследований РАНХиГС при Президенте РФ и АНО «Социальная валидация» проведен телефонный общероссийский опрос граждан в возрасте старше 45 лет.

Всего опрошено 1602 человека по случайной двухосновной выборке мобильных и стационарных телефонов, что позволило включить отдаленные от районных центров сельские поселения. Выборка строилась на основе опубликованных на официальном сайте Россвязи

ABC и DEF диапазонов телефонных номеров, задействованных в регионах Российской Федерации. ABC диапазоны включают географически привязанные номера (стационарные телефоны, в том числе квартирные), номера из DEF диапазонов не обладают жесткой географической привязкой (мобильные номера). Количество отбираемых в диапазоне номеров прямо пропорционально общему количеству номеров в диапазоне (объему диапазона). Выбор номеров из диапазонов происходил случайным образом при помощи систематического отбора с шагом, равным отношению объема диапазона к количеству отбираемых в диапазоне номеров. При таком способе отбора каждый телефонный номер из всех диапазонов DEF или ABC имеет равную вероятность попадания в выборку.

Отбор респондентов проводился отдельно для DEF и ABC диапазонов. Регулируемым параметром в выборке являлось соотношение (квота) на DEF и ABC номера. Этот параметр рассчитывался на основе данных общероссийского опроса Фонда «Общественное мнение», проведенного в мае 2011 г. (подробнее методику расчета см.: Рогозин Д. М. Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте [12, с. 67–68]). При общем объеме выборки 1602 респондентов 47% опрошены по стационарным домашним телефонам, а 53% — по мобильным.

За период опроса позвонили по 8809 действующим номерам. Коэффициент кооперации, или отношение полностью взятых интервью (граждан старше 45 лет) к телефонным соединениям, в которых ответил абонент, составил 18%. Коэффициент отказов, или отношение суммы отказов от интервью к общему числу звонков, составил 48%. Доля не подошедших по скринингу абонентов (младше 45 лет), у которых в семье нет людей старше 45 лет, составила 15%. Таковы технические характеристики выборки. Опрос проводили два колл-центра, размещенных в Воронеже (Институт общественного мнения «Квалитас») и Томске (Маркетинговый центр «Контекст»). Все интервью записывались на аудионоситель, что позволило не только рассчитывать распределения и строить регрессионные зависимости, но и рассматривать непосредственную речь респондентов, разбираться со смыслами, актуализируемыми в ответах на формализованные анкетные вопросы.

Восприятие государственного участия

Среди опрошенных людей старшего возраста 46% указали на то, что они знают людей из своего ближнего окружения (семья или друзья), остро нуждающихся в материальной или психологической помощи. Из них только 19%, по мнению наших собеседников, была оказана помощь государственными или общественными организациями. От всех опрошенных о помощи со стороны внешних организаций нуждающимся людям знают лишь 9% (рис. 1).

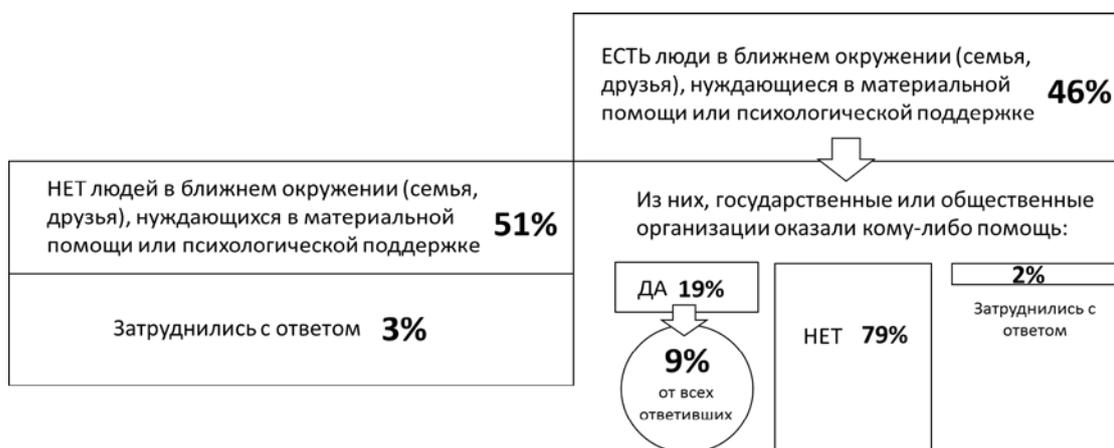


Рисунок 1 — Восприятие социальной поддержки в трудных жизненных ситуациях (Распределение ответов на два анкетных вопроса: «Есть ли в вашей семье или среди ваших друзей люди, остро нуждающиеся в материальной помощи или психологической поддержке? Оказывали ли Вашей семье или друзьям помощь, какие-либо государственные или общественные организации?»)

Представленные цифры не говорят о распространенности социальной поддержки. Нельзя по ним судить и об эффективности социальной политики⁷. Мы лишь видим, что государственные или общественные организации, оказывающие социальные услуги, присутствуют менее чем в каждом пятом случае от воспринимаемых населением трудных жизненных ситуаций (необходима внешняя помощь). Кроме того, государственная помощь обычно связывается лишь с субсидиями, иными денежными поступлениями (фрагмент 1).

Фрагмент 1

Женщина, 52 года, Нижний Новгород

И: Скажите, есть ли в вашей семье или среди ваших друзей люди, остро нуждающиеся в материальной помощи или психологической поддержке? Есть такие?

Р: В нашей семье?

И: Или друзья?

Р: Наверное, я в этом нуждаюсь. И дочка у меня, сейчас в декрете, тоже нуждается.

И: Понятно. Скажите, оказывали ли вашей семье или друзьям помощь какие-либо государственные или общественные организации? Да или нет? Они оказывали вам что-то?

Р: Пока сын учился в училище, получал пенсию по потере кормильца. Все.

Женщина не ждет внешней помощи. Но она не откажется, если представится случай.

⁷ И.А. Григорьева отмечает, что «эффективным может быть только управление, ориентированное на конечный результат и опирающееся на меры, ранжированные по своим приоритетам» [2, с. 136]. Мы уже упоминали, что показатель охвата социальной помощью тех или иных групп населения не может выступать целевой функцией для неolibеральной социальной политики, которой, судя по принимаемым нормативным актам и публичной риторике, придерживается российская власть.

Пожилая женщина из далекого амурского села на вопрос о потребности в материальной или психологической помощи отвечает отказом: «Нормально все, ничего» (фрагмент 2). Однако после вопросов о родственниках и друзьях выяснилось, что у нее есть брат, инвалид детства, которого они поддерживают с сестрой уже долгие годы, малообеспеченная родственница, воспитывающая в одиночку троих детей, одинокая пожилая подруга, у которой давно умер сын.

Фрагмент 2

Женщина, 68 лет, пос. Талган, Сковородинский р-н, Амурская область

И: Скажите, пожалуйста, есть ли в вашей семье или среди ваших друзей люди, остро нуждающиеся в материальной помощи или какой-то психологической поддержке?

Р: Да нет, таких нет. Как они, нормально все, ничего...

И: Поняла. А есть ли в вашей семье или среди ваших друзей вот инвалиды, нуждающиеся в помощи?

Р: У меня брат, он инвалид с детства. Ни разу, сколько мы здесь живем, ни разу ему никто не...

И: ...не помог, да?

Р: Ничем не помог. Ни разу ему никто ничего не дал, ни копейки. Как будто его и нет. Ни на Новый год. Он еле ходит, мы за ним сами смотрим. Сестра да я.

И: То есть получается, он нуждается в какой-то материальной помощи?

Р: Он у сестры живет, мы за ним, короче, родители умерли, а он остался, инвалид детства. Плохо разговаривает, не учился нигде. Ему 64 года.

И: То есть получается, в вашей семье все-таки есть такой человек, который нуждается в помощи, в такой, может быть, поддержке...?

Р: Да-да-да.

И: .. и, скажем так, никто из государственных или общественных организаций так и не помог, правильно я поняла, да?

Р: Не, ну он пенсию получает, и сестра, она, ну как она, ну мы не нуждаемся, что нам надо помогать, надо просто, иной раз думаю, внимания могли бы уделить. Не было такого.

И: Поняла. Поняла. Скажите, пожалуйста, а вот малообеспеченные матери-одиночки рядом с вами есть? В вашем близком окружении?

Р: Есть. Трое детей и один работает.

И: И одна, поняла. А вот одинокие пожилые люди, у которых никого не осталось, вот вообще одни?

Р: Есть, инвалид, инвалид она тоже. У нее детей нет, у нее один был единственный сын, он умер давно, она вот одна, и, бывает, мы ей помогаем теперь. В магазин поедем, что-то купим. И социальные работники ходят к ней и ей приносят продукты, так что-нибудь. Она слепая. Такая, ей 73 года.

И: Ну молодец, правильно, надо как-то поддерживать друг друга.

Р: Не-не, она сама хорошая женщина, поэтому мы помогаем.

Материальная помощь, в виде пенсий, пособий, уходе социальных работников воспринимается женщиной как естественная и законная обязанность государства. Она

отмечает, что брату-инвалиду «ни разу никто ничем не помог». Самостоятельно справляющимися с трудностями двум сестрам сейчас намного важнее внимание и поддержка, нежели формально установленные денежные выплаты. Обезличенное распределение бюджетных средств по льготным категориям граждан создает весьма странную, на первый взгляд, ситуацию, в которой получатели благ не воспринимают их в качестве социальной поддержки. Они видят скорее естественную, ничем внешним не обусловленную данность, в которой вынуждены выживать. Казалось бы, прямое участие государства в жизни этой семьи создает обратный эффект — восприятие безучастия и оставленности. Либеральную позицию часто отождествляют с политикой, опирающейся исключительно на товарно-денежные отношения. Приведенные примеры демонстрируют, насколько ложным может быть такое мнение. Нет ничего более антилиберального, чем формальное поступление денежных средств под эгидой справедливого распределения и поддержки малоимущих групп. Без участия, понимания смысла производимых дотаций, совместной деятельности невозможно становление гражданственности, основанной на либеральных принципах.

Идентификация трудных жизненных ситуаций

Из льготных категорий граждан мы выделили семь групп, наиболее часто относимых к представителям трудных жизненных ситуаций: инвалиды, одинокие пожилые люди, матери-одиночки, проблемные семьи с детьми, вышедшие из мест лишения свободы, страдающие алкоголизмом и наркозависимые. Наиболее видны населению инвалиды и одинокие пожилые люди: по 34% опрошенных высказались, что среди их родственников или друзей есть эти две группы. Наименее заметны люди с наркотической зависимостью — всего 4% опрошенных назвали таких среди своих родственников или друзей (табл. 1).

Таблица 1 Распространенность (возможность восприятия) групп потенциального и реального социального неблагополучия

Люди, попадающие в группы социального неблагополучия	Ответившие утвердительно		Затруднившиеся с ответом	
	абс. зн., чел	%	абс. зн., чел	%
1. Инвалиды, нуждающиеся в помощи	543	34	23	1
2. Одинокие пожилые люди	541	34	15	1
3. Малообеспеченные матери-одиночки	386	24	21	1
4. Сильно пьющие люди	363	23	13	1
5. Проблемные семьи с детьми	333	21	34	2
6. Сидевшие в тюрьме	316	20	12	1
7. Употребляющие наркотики	57	4	12	1
Хотя бы одна из семи перечисленных выше групп	1154	72	-	-

Если принять за условие встречаемость хотя бы одной проблемной группы среди ближайшего окружения россиян, то 72% опрошенных находятся в непосредственной близости от социальных невзгод (табл. 1) и потенциально могут о них говорить с полным правом свидетельского, если не экспертного мнения. Кроме того, нередки случаи множественных социальных затруднений, испытываемых одной семьей (рис. 2), например,

одинокая мама, воспитывающая ребенка-инвалида (фрагмент 3), или пожилая одинокая женщина-инвалид (фрагмент 2), или пожилая женщина, проживающая с сыном алкоголиком и т.д.

Фрагмент 3

Мужчина, 63 года, с. Новороманово, Калманский район, Алтайский край

И: Есть ли в вашей семье или среди ваших друзей люди, остро нуждающиеся в материальной помощи или психологической поддержке, да или нет?

Р: Дочери материальную помощь надо, она... квартира у нее съемная, с одной квартиры на другую переезжает, на очереди стояла, ее сняли с очереди. Потом опять поставили, она с ребенком, ребенок – инвалид.

И: Ясно, значит есть такие.

Из всех ответивших на вопросы о проблемных группах (вопросы 4–10, рис. 1) только 28% указали на одну из возможных групп, 21% — назвали две, 12% — три, 7% — четыре, 4% — пять. Иначе говоря, 44% респондентов видят в своем окружении более чем одну проблемную ситуацию, причем большая их часть приходится на одного человека или семью.

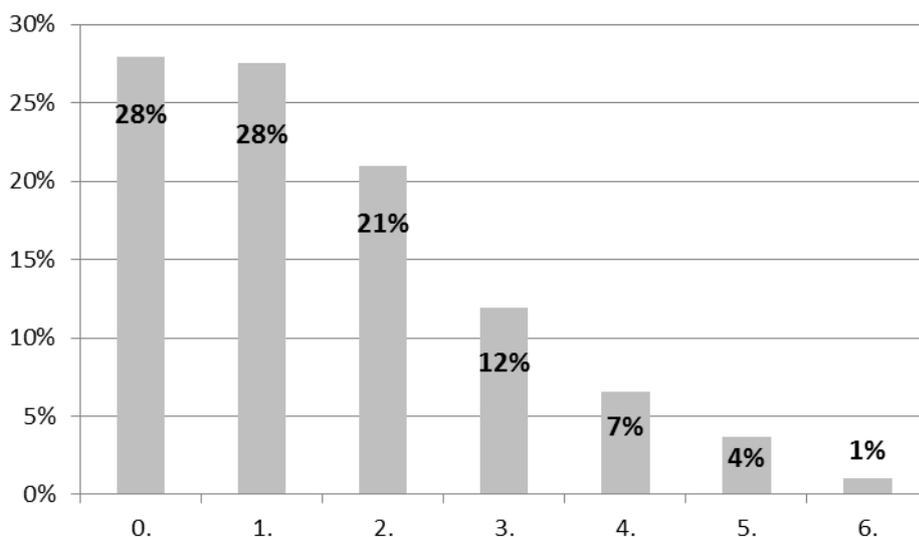


Рисунок 2 — Количество социальных групп, потенциально находящихся в трудных жизненных ситуациях, названных одним респондентом, %

Построим пространство признаков восприятия трудных жизненных ситуаций как пересечение двух переменных: наличия в ближайшем окружении людей, остро нуждающихся в материальной или психологической помощи, и присутствия среди них же хотя бы одной трудной жизненной ситуации, согласующейся с юридически подкрепленными представлениями (рис. 3).

		В семье и среди друзей есть люди остро нуждающиеся в помощи	
		ДА	НЕТ
В семье и среди друзей есть хотя бы одна трудная жизненная ситуация (из предложенных семи)	НЕТ	Невидимые государством трудные жизненные ситуации 7%	Социально-благополучная среда 21%
	ДА	Видимые государством трудные жизненные ситуации 41%	Трудные ситуации, преодолеваемые посредством имеющихся ресурсов 32%

Рисунок 3 — Пространство восприятия трудных жизненных ситуаций, % от ответивших

Перед нами некоторая модельная ситуация, позволяющая конструировать обоснованные гипотезы, но не отвечающая строгим и однозначным критериям валидного измерения. Так, группа видимых государством трудных жизненных ситуаций отражает лишь наличие в окружении респондента людей, идентифицируемых государством в качестве реципиентов социальной помощи и, одновременно, осознаваемых как нуждающихся в такой помощи. Эти группы могут не совпадать, например, в ближайшем окружении есть инвалид, а респондент считает, что помощь действительно требуется беременной невестке, у которой при живом муже и множестве родственников дела идут не очень хорошо. На этом этапе формирование модели примем такие разночтения в качестве незначимых.

Итак, видимые государством трудные жизненные ситуации наблюдаются у 41% россиян старшего возраста. Именно эта группа граждан выступает потенциальными и реальными потребителями государственных социальных услуг. В ней наиболее развиты патерналистские установки, ожидания от государства решений по обустройству собственной жизни. Материальная помощь от государства рассматривается как естественное и необходимое условие достойной жизни (фрагмент 4). Низкая зарплата, проблемы в семье, развитие личного хозяйства — все без исключения случаи требуют вмешательства государства, оказания хотя бы единовременной материальной помощи.

Фрагмент 4

Женщина, 75 лет, Улан-Удэ, Республика Бурятия

И: Скажите, пожалуйста, есть ли в вашей семье или среди ваших друзей люди, остро нуждающиеся в материальной помощи или психологической поддержке, да или нет?

Р: Конечно, есть. Что это, семь тысяч, какая зарплата у людей, ну что...

И: А оказывали ли вашей семье или друзьям какие-либо государственные... вот, помощь какие-либо государственные или общественные организации, да или нет?

Р: Нет.

И: Не оказывали?

Р: Нет. Вот вы опрашиваете, я вот все время думаю, то есть и говорю, государство должно было бы особенно вот в деревнях единовременную помощь оказать, примерно, пятьдесят тысяч на человека. Вот в деревнях, в колхозе, чтоб он купил трактор, какую там коровенку, чтоб мог обработать чем-то землю. Вот я за это стою.

И: Ваше мнение, конечно, учтется, вы правильно говорите. А есть ли малообеспеченные матери-одиночки, да или нет, скажите, пожалуйста?

Р: Матери-одиночки, дак у меня внучка, ну как, муж, как теперь, бегунок (смеется).

И: Бегунок... бросил, да?

Р: Бросил, да, бросил всю семью. Ну в общем спутался, бросил семью и платит 2300 на двух ребят.

Столь инфантильная позиция, перекалывание ответственности на внешние структуры не изменяется с годами. Наши собеседники — люди старшего возраста. Однако это не мешает им вновь и вновь возвращаться к детству, воспроизводить старые, укорененные обиды (фрагмент 5). Любопытно, что в речи респонденты легко переходят от частных вопросов к генерализациям и обобщениям, что и поддерживает их дискурс тотальной социальной справедливости, согласно которому государство рассматривается не как институт, оказывающий некоторые сервисные услуги, а как всеобщий патрон, гарант социального благополучия, стабильности и достойной жизни.

Фрагмент 5

Мужчина, 76 лет, Новочебоксарск, Республика Чувашия

И: Есть ли в вашей семье или среди ваших друзей... друзей люди, остро нуждающиеся в материальной помощи или психологической поддержке? Да-нет?

Р: Конечно, есть.

И: Оказывали ли вам или вашим друзьям помощь какие-либо государственные и общественные организации?

Р: Я бы сказал: нет и нет. Потому что я... остался сиротой после гибели отца, вырос с матерью без отца. Вот, и моя сестра, в Казахстане живет, инвалид второй группы, я инвалид третьей группы. Я обратился в адрес президента, ну, не президента, а главы государства Германии, Ангелы Меркель, как так получается, интересно, я остался без родителей, неужели не способен я обратиться в ваш адрес? Вот, тогда как моя двоюродная сестра проживает в Германии, помогите мне просто найти ее, хотя бы сказать два слова. Неужели мы, народ Чувашии, должны быть настолько замкнуты? Вот так вот.

В группе видимых государством трудных жизненных ситуаций наблюдается максимальный уровень недовольства государственным обслуживанием. Воспринимая материальную помощь в качестве естественной, обязательной к начислению, располагая весьма широкими ожиданиями социальной ответственности государства, люди накапливают негативное отношение к власти при возникновении каких-либо отклонений от этих ожиданий (фрагмент 6).

Фрагмент 6.

Женщина, 54 года, Омск

И: А есть ли в вашей семье или среди ваших друзей люди, остро нуждающиеся в материальной помощи или психологической поддержке?

Р: У нас в родне есть ребенок-инвалид, которого мы всей родней стараемся по возможности... помочь.

И: Оказывали ли вашей семье или друзьям помощь какие-либо государственные или общественные организации?

Р: Нет. Нет. Однозначно нет. Обращались, и по закону надо бы и получить и социальная досрочная пенсия — ничего. Пока вот на ножках топает, значит, ты можешь себя обеспечивать. Я сама столкнулась с этим вопросом.

Давая отрицательный ответ о помощи государства в воспитании ребенка-инвалида, женщина иронизирует над собственной самостоятельностью и способностью справляться с текущими трудностями. Примечательно, что за горьким сарказмом в адрес государства скрывается реализуемая либеральная стратегия: помощь должна поступать не для поддержки текущего состояния, а для разработки и реализации собственных стратегий, формирующих семейное благополучие.

Вторая по величине группа, состоящая из трудных жизненных ситуаций, преодолеваемых посредством имеющихся ресурсов, составляет 32%. В нее входят как те, кто формально подпадает под категорию трудных жизненных ситуаций, но не пользуется соответствующими социальными услугами, так и те, кто пользуется услугами, но, в представлениях информантов, не нуждаются в таковых, по большей части из-за неверия или непонимания возможности получения необходимых услуг (см. фрагмент 2). Здесь мы обнаруживаем важнейшую проблему формального распределения социальных благ, связанную с категориальным их распределением:

Практика социальной работы показывает, что, наряду с малообеспеченностью, бедностью, неблагополучным фоном семьи, в группе риска могут быть самые разные социальные обстоятельства. Хотя категориальный подход, при котором семья (ребенок в семье) относится к одной традиционно неблагополучной группе, технологически необходим, тем не менее, он методологически противоречит индивидуальному подходу, вытекающему из особенностей случая, ситуации [15, с. 138].

Как бы ни удавалось достигнуть некоторых объективных показателей испытываемых социальных трудностей, категория трудной жизненной ситуации изначально отвечает субъективному состоянию человека и не может быть навязана извне. Другими словами, трудность можно идентифицировать лишь через субъективное восприятие ситуации, поскольку сложность социальной среды не может быть редуцирована до некоторого набора простых и однозначных рецептов (денежное довольствие или социальные услуги). Отсюда — актуальность критики категориального подхода в оказании социальной помощи, доминирующего в 1990-х гг., и перехода на адресную систему социальной поддержки.

Вмешиваясь в столь неоднозначную социальную проблематику, государство попадает в весьма непростую ситуацию, в которой следование формальным критериям отбора трудных жизненных ситуаций может приводить к эффекту двойного недовольства. С одной стороны, недовольны граждане, имеющие право на получение социальных услуг, но по тем или иным причинам их не получившие или получившие в недостаточном объеме и качестве. С другой — граждане, формально подпадающие под категорию получателей услуг, но не испытывающие крайней нужды в предоставляемых средствах, или воспринимающие эти услуги как некоторый естественный порядок вещей, не подлежащий какому-либо обсуждению. В этом случае недовольство носит опосредованный характер. Не получая услугу, намеренно получая невостребованную услугу или не воспринимая получаемую услугу в качестве таковой, граждане конституируют образ неадекватного государства, не способного различать реальные проблемы и следующего лишь за формализованной, бюрократической (в обыденном смысле слова) логикой.

Невидимые государством трудные жизненные ситуации составляют всего 7%. Во-первых, это наличие всех условий для нормальной жизни, и при этом нахождение в бедности, безысходной ситуации (например, из-за отсутствия инициативности, образования, психологических особенностей и т.д.). Во-вторых, появление иных социальных категорий людей, испытывающих реальные трудности, но не имеющих шансов получить государственные гарантии на более-менее достойную жизнь. Столь небольшая цифра указывает на весьма расширенное толкование трудной жизненной ситуации и практически полный их охват в рамках развиваемой социальной политики. Наконец, 21% домохозяйств живут в социально благополучной среде. В их окружении нет как ни одной из категорий риска, так и нет осознания, что кому-то остро требуется материальная или психологическая помощь. Речь идет скорее не о социальном благополучии (особенно, если иметь в виду инвалидов), а о социальной однородности этой группы. Более того, ее представители находятся в некоторой изоляции от реальных проблем и обладают намного меньшим социальным опытом, нежели представители других групп.

Таблица 2 Параметры бинарной логистической регрессии с зависимой переменной «потребность в материальной или психологической помощи»

Независимые переменные	B	S.E.	Wald	df	Sig.	Exp(B)
Инвалиды, нуждающиеся в помощи	0,991	0,119	68,717	1	0,000	2,694
Одиноким пожилые люди	0,499	0,121	16,875	1	0,000	1,646
Малообеспеченные матери-одиночки	0,833	0,138	36,312	1	0,000	2,300
Проблемные семьи с детьми	0,990	0,153	41,727	1	0,000	2,691
Сильно пьющие люди	0,343	0,145	5,525	1	0,018	1,409
Употребляющие наркотики	0,359	0,345	1,079	1	0,299	1,431
Сидели в тюрьме	0,100	0,146	0,469	1	0,493	1,105
Constant	-1,098	0,087	158,352	1	0,000	0,333

Какие идентифицируемые государством группы населения воспринимаются его представителями в качестве действительно нуждающихся во внешней поддержке? Для ответа на этот вопрос построим бинарную логистическую регрессию, где зависимой переменной определим субъективно полагаемую потребность в материальной или

психологической помощи, а список независимых составит перечень из обсуждаемых выше трудных жизненных ситуаций (см. табл. 1). Полученная регрессионная модель позволяет предсказать 67% случаев и состоит из четырех зависимых переменных с высоким уровнем значимости и трех — с низким (табл. 2).

Наибольший вес в предсказании трудной жизненной ситуации дают группы инвалидов и проблемных семей с детьми, что в целом коррелирует как с большими объемами финансирования, так и с медийным вниманием и распространенностью этих групп в обществе [1]. Если в семье или среди друзей есть инвалид, 66% респондентов говорят об острой необходимости в материальной или психологической помощи, если инвалидов нет, их число значительно снижается — до 38% респондентов ($X^2=114,27$, $df=1$, $p<0,000$). Если речь идет о проблемных семьях с детьми, 73% опрошенных говорят о необходимости внешней помощи. Если проблемные семьи с детьми не упоминаются — только 41% ($X^2=107,71$, $df=1$, $p<0,000$). Именно этим группам люди склонны отдавать приоритет в государственной помощи, именно они наиболее заметны и транслируемы в общественном мнении. Немногим меньше внимания оказывается малообеспеченным матерям-одиночкам: 70% указывают на необходимость помощи при наличии этой группы в ближайшем окружении и только 40% при ее отсутствии ($X^2=106,21$, $df=1$, $p<0,000$). На четвертом месте располагаются одинокие пожилые люди: соответственно, 62 и 40% ($X^2=66,10$, $df=1$, $p<0,000$). В отношении этих групп трудная жизненная ситуация зачастую сформирована исходя из внешних, неудовлетворительных социальных условий. Так, трудная жизненная ситуация у инвалидов скорее связана с неразвитостью инфраструктуры, нежели с личностными особенностями: «Критерием оценки политики в отношении инвалидов является обеспечение доступности для них физической среды, включая жилье, транспорт, образование, работу и культуру, доступ к информации и каналам коммуникации» [3, с. 16].

В свою очередь, сильно пьющие, употребляющие наркотики и отсидевшие в тюрьме, как правило, не связываются в общественном мнении с группами, подпадающими под программы социальной поддержки. С одной стороны, проблемы этих людей приписываются им самим. «Пока в голове что-то не изменится у него самого, никто, ни черт, ни бог, ни семья, ни государство, ему не помогут», — говорит один из респондентов. С другой — алкоголизм воспринимается как естественное устойчивое состояние, которое уже невозможно преодолеть (фрагмент 7).

Фрагмент 7

Мужчина, 58 лет, о. Ольхон, Иркутская область

И: Скажите, а сильно пьющие люди есть среди ваших знакомых, друзей, родственников?

Р: У нас полдеревни пьющие. Вот даже улица вся.

И: А есть такие, хотя бы изредка употребляющие наркотики? Среди вашего окружения?

Р: Про наркотики не скажу, а про выпивку скажу. Вы нам сейчас звоните с какого города?

И: Мы звоним из города Воронежа, по заказу московского института исследований.

Р: А вы попали ко мне, знаете куда? На Байкал, на Ольхон. Мы живем... туристы когда пойдут, период такой, как бы займется чем-нибудь. А сейчас молодежи что делать,

только стариков и пенсионеров карауль, чтоб денежки взять на выпивку. Большинство жителей здесь пьющие.

Помощь со стороны государственных и общественных организаций в первую очередь ожидается в отношении людей, готовых к принятию этой помощи, нуждающихся в определенном социальном контракте, обеспечивающем их права и возлагающем определенные обязательства. И хотя современные исследователи делают акцент на самоисправлении и самосознании лиц, преступивших закон [13, с. 263] или попавших под наркотическую или алкогольную зависимость, население не доверяет таким представлениям. Алкоголики, наркоманы и бывшие заключенные, как правило, не воспринимаются в качестве потенциальных реципиентов внешней помощи. Их проблемы остаются за пределами внимания наших спонтанных информантов.

Аматай Этциони подчеркивает, что мы привыкли мыслить социальность через дуальные категории: публичное и приватное, политическое и социальное, частное и общественное, государственное и личное. Однако за такими различиями скрывается фактическое состояние смежности и зависимости обоих ареалов социального устройства [17]. В современном мире уже невозможно провести четкие грани между приватной, личной сферой и публичной, государственной, поэтому просчеты в социальной политике опосредованы не только и не столько ошибочными решениями, бюджетными дефицитами или неповоротливостью административного аппарата. Конфигурация реальных действий по формированию социальной политики отражает коммуникативные взаимодействия всех участников социальной политики. Поэтому включение механизмов измерения общественного мнения в формирование социальной политики — не новый и революционный шаг, а лишь согласование текущего понимания ситуации, приведение его к фактическому положению дел. Пора отказаться от поиска виновных, маркирования в качестве злодеев целых социальных групп и подойти к осознанию личной ответственности в отношении происходящих социальных преобразований. Какое бы место в социальной стратификации ни занимал человек, его воздействие на текущую социальную политику велико. В этой максиме мы и видим реализацию либеральных принципов индивидуальной ответственности, политического участия и личной свободы.

Литература

- 1 Вербилевич О. *Механизмы формирования идентичности в публичной сфере инвалидности* // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 2. С. 257–272.
- 2 Григорьева И. А. *Развитие социальной политики в России в 1990–2000-х гг.* // Мир России: социология, этнология. 2013. Т. 22. № 1. С. 132–154.
- 3 Кулагин А. С., Жигунова Г. В. *Государственная социальная политика для инвалидов* // Точки над Ё. 2012. № 4. С. 15–22.
- 4 Малева Т. М. *Социальные страты и социальная политика в современной России* // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2004. № 1. С. 14–25.

- 5 Малеева Т. М., Овчарова Л. Н. *Социальная модернизация : что модернизировать и кто модернизаторы?* // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2010. № 13. С. 21–34.
- 6 Мартынова Г. Ю. *Особенности самоотношения субъектов трудной жизненной ситуации* // Научный диалог. 2013. № 4. С. 74–84.
- 7 Мау В. А. *Между модернизацией и застоём: экономическая политика 2012 года* // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 4–23.
- 8 Мау В. А. *Человеческий капитал: вызовы для России* // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 114–132.
- 9 Мау В. А. *Человеческий капитал: вызовы для России* // Наука и практика. 2013. № 2. С. 9–19.
- 10 Мацукевич О. Ю. *Социально-культурная ресоциализация личности в трудной жизненной ситуации* // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 107. № 3. С. 177–181.
- 11 Осухова Н. Г. *Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях*. М. : Академия, 2007.
- 12 Рогозин Д. М. *Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте* // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93.
- 13 Строева Г. В. *Самоисправление осужденных* // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4. С. 263–267.
- 14 Сурцева А. А. *Социальный контракт в современной России : методология анализа и регион. аспекты формирования* // Омский научный вестник. 2012. № 1. С. 69–71.
- 15 Тугаров А. Б., Дудкин А. С. *Методология и методика классификации трудных жизненных ситуаций, требующих социальной интервенции в жизнедеятельность ребенка и его семьи* // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 136–150.
- 16 Dean M. *Governmentality : power and rule in modern society*. 2nd ed. London : Sage, 2010.
- 17 Etzioni A. *The bankruptcy of liberalism and conservatism* // Political Science Quarterly. 2013. Vol. 128. Nr 1. P. 39–65.
- 18 Fraile, L. *Lessons from Latin America’s neo-liberal experiment: an overview of labour and social policies since the 1980s* // International Labour Review. 2009. Vol. 148. Nr 3. P. 215–233.
- 19 Klomp J., Haan J. *Political regime and human capital : a cross-country analysis* // Social Indicators Research. 2013. Vol. 111. Nr 1. P. 45–73.
- 20 Percy-Smith J. *Introduction : the contours of social exclusion* // Policy responses to social exclusion : towards inclusion? // Berkshire. UK : Open University Press, 2004. P. 1–21.
- 21 Simmons J.M. *The role of citizens in the “soft law” of select social policy areas in Canada and the European Union* // Canadian Public Administration. 2013. Vol. 56. Nr 2. P. 270–285.